

ОТДЕЛ АНОМАЛЬНЫХ
И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

ДЕЛО О

ВЕДЬМИНОМ УСТЬЕ

ДИОНИСИЙ ШЕРВУД

Дионисий Шервуд
Дело о Ведьмином устье
Серия «ОАСП - Отдел
Аномальных и Сверхестественных
Происшествий», книга 2

*<https://litres.ru/73954931>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Когда в Отдел Аномальных и Сверхестественных Происшествий приходит письмо из далёкой шотландской деревушки с мольбой о помощи, бывший инспектор Артур Понд и его разношёрстная команда ещё не подозревают, что рутинная проверка обернётся одним из самых опасных дел в их практике. Рыбаки пропадают без следа, по ночам над заливом разносятся нечеловеческие песни, а вода в старом Ведьмином устье становится чужой и враждебной.

То, что поначалу кажется суевериями невежественных рыбаков, оборачивается зловещим заговором, уходящим корнями в глубины Подводного Царства.

Артуру Понду и его команде — восторженному и слегка неуклюжему магу Фицвильяму, ворчливому гному-инженеру Броку, педантичному техномагу Эвилин Роуз и дерзкой

проводнице Мойре, хранящей собственный секрет, — предстоит спуститься под воду, чтобы спасти пленников и остановить вторжение. Их оружие — не только магия и техника, но и старый добрый английский здравый смысл, ирония и, разумеется, печенья «МакВити».

Содержание

Пролог. Сделка в мутной воде	5
Глава 1. Новые лица и старые проблемы	15
Глава 2. Письмо из Шотландии	32
Глава 3. В путь	48
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Дионисий Шервуд

Дело о Ведьмином устье

Пролог. Сделка в мутной воде

Морская вода в этом месте была невероятно тёмной и столь же невероятно древней. Настолько древней, что, казалось, помнила времена, когда сама суша ещё не решила окончательно, хочет ли она вообще становиться твёрдой, и колебалась где-то на границе между паром и взвесью. Глубоководный каньон к северу от Гебридских островов носил название, которое на языке мерроу звучало как скрежет якорной цепи по базальту, а на человеческий переводилось приблизительно как "Место, Где Даже Угри Предпочитают Претворяться, Что Они Водоросли".

Дно каньона сплошь усеивали останки кораблей, погибших здесь за последние несколько столетий. Среди них выделялся остов старинного галеона. Его шпангоуты торчали из ила, словно кости скелета гигантского кита, а в пробоинах бортов обосновались колонии бледных, никогда не видевших солнца анемонов. Они тускло мерцали в вечной тьме, создавая призрачную иллюзию, будто корабль всё ещё освещён фонарями. Над галеоном, лениво покачиваясь в холодном течении, висели обрывки старых, гнилых рыбацких се-

тей, опутанных водорослями, которые шевелились даже тогда, когда вода была совершенно неподвижна.

Вокруг этого живописного, в своём роде, места не плавала ни одна рыба. Даже вездесущие морские звёзды, обычно равнодушные ко всему, кроме собственного медленного, но неумолимого перемещения из пункта А в пункт Б, обходили каньон стороной. Здесь разило неправильностью и веяло холодом, который не имел ничего родственного с температурой воды. Несло духом, как в старом подвале, в котором когда-то произошло нечто очень, очень дурное, а потом его заперли и сделали вид, что ничего не случилось.

Именно здесь, в этом подводном некрополе, и происходила встреча, которая, оказавшись на ней случайный свидетель, показалась бы ему сценой из кошмара, придуманного особо циничным декоратором-минималистом.

Три фигуры парили над илом в нескольких ярдах от носа галеона. Они не стояли, не лежали, а именно парили, словно гравитация была для них не более чем досадным недоразумением, на которое они предпочитали не обращать внимания. Их формы были сотканы из столь густых теней, что вода вокруг них, казалось, преломлялась под каким-то неестественным углом, создавая ощущение, будто смотришь сквозь треснувшее стекло. У них не было лиц в привычном понимании этого слова, а лишь сгустки абсолютной черноты там, где должны были находиться головы. И только три пары глаз горели ровным, не мигающим, алым светом. Све-

том, который не освещал ничего вокруг, а лишь подчёркивал окружающую тьму.

Это были агенты Нижнего Мира. Те, кто обитал в местах, куда не добирался не только свет, но и сама идея света. Их истинные имена невозможно было произнести, не рискуя подавиться собственным языком, поэтому в хрониках Подводного царства они значились просто как "Тени". Что, впрочем, вполне их устраивало — они были абсолютно лишены какого-либо тщеславия.

Агенты ждали. И ждали они уже довольно долго, что начинало их слегка раздражать, хотя внешне это никак не проявлялось, разве что алый свет в их глазах стал чуть более насыщенным, словно угли, в которые подбросили щепотку сухого мха.

Наконец, из-за остова галеона, нервно озираясь и постоянно оглядываясь через плечо, выплыл тот, кого они ждали.

Это был тритон. Звали его Грютт, и он являл собой наглядное доказательство того, что эволюция иногда тоже ошибается, но предпочитает не признавать своих ошибок, а просто тихо наблюдать, что из этого в конце концов выйдет. Грютт был толстоват и его чешуя, некогда, вероятно, благородного серебристо-зелёного оттенка, теперь местами облезла, обнажая бледную, нездорового вида кожу. Его перепончатые руки нервно теребили амулет, висевший на шее. Это была грубая поделка из кости мурены и тусклого лунного камня, купленная по случаю у одного сомнительного вида

торговца, который клялся, что амулет "отводит сглаз, порчу, налоговых инспекторов и несварение желудка". Судя по тому, как дёргался левый глаз Грютта, амулет работал не на все сто процентов.

На поясе у тритона висела потёртая кожаная сумка, из которой торчал край какого-то свитка и огрызок тускло светящегося коралла, используемого контрабандистами вместо фонаря.

Грютт приблизился к теням на расстояние, которое казалось ему достаточно почтительным, но при этом оставляло пространство для манёвра в случае, если придётся спешно ретироваться. Он остановился, судорожно сглотнул и попытался изобразить на своём лице выражение спокойной деловой уверенности. Это получилось у него довольно плохо и его лицо более напоминало выражение существа, которое только что проглотило электрического угря и теперь пытается убедить окружающих, что так и было задумано.

— Грютт, — произнёс первый агент.

Его голос совершенно не походил на звук, распространяющийся в воде обычным способом. Скорее, он возникал прямо в голове у тритона. Звук этот был холодный, абсолютно лишённый интонаций, с лёгким присвистом, словно вода закипала в расщелине глубоко под землёй.

— Ты опоздал на четыре прилива. Мы не любим ждать.

Грютт вздрогнул так, что его амулет подпрыгнул и больно стукнул его по подбородку.

— Течения, господа хорошие! Встречные течения! — затараторил он скрипучим, суетливым говором с лёгким акцентом, характерным для обитателей восточных рифов. — И патруль мерроу крутился у восточных рифов, пришлось отсиживаться в пещере с муренами. А они, знаете ли, храпят! Да так храпят, что у меня от этого нервный тик случился!

В подтверждение своих слов он несколько раз быстро моргнул левым глазом. Тик действительно имел место быть, и был он настолько заметным, что даже тени, казалось, на мгновение заинтересовались этим феноменом.

Второй агент, тот, что находился чуть поодаль, издал звук, похожий на шипение пара, вырывающегося из гейзера. Возможно, это был смех, а возможно, выражение презрения. У теней эти понятия были практически неразличимы.

— Ты выбрал неудачное убежище, Грютт, — сказал он. — Мурены — известные сплетницы. Надеюсь, ты не рассказал им ничего лишнего?

— Что вы! Что вы! — Грютт замахал руками, едва не задев свисавшую с галеона сеть. — Я нем как рыба! В самом буквальном смысле! Я с ними вообще не разговаривал! Только попросил подвинуться и дал пару мелких червячков за беспокойство.

Третий агент, самый высокий и, судя по исходившему от него холоду, самый старший, медленно протянул вперёд свою конечность, которая лишь отдалённо напоминала руку. В ней был зажат небольшой предмет — ларец из чёрного, ма-

тогового материала, не отражавшего даже тусклый свет анемонов. Ларец был закрыт, и от него повеяло таким пронзительным холодом, что Грютт, даже находясь на расстоянии, почувствовал, как его чешуя покрывается тонкой коркой льда.

— Это — груз, — произнёс третий агент. Его голос был самым тихим, но при этом самым весомым. — Ты доставишь его на поверхность в место, которое смертные называют Кейтнесс-Хейвен. Туда, где старые камни помнят дыхание Бездны и где грань между мирами тоньше паутины.

Грютт опасливо принял ларец. Тот был тяжёлым, гораздо тяжелее, чем выглядел, и холодным. Холод проникал сквозь чешую, сквозь кожу, добираясь, казалось, до самых костей. Тритон поспешно сунул его в свою сумку, но даже через кожу баула продолжал ощущать его ледяное присутствие.

— В Ведьмино устье? — переспросил он, и его голос дрогнул. — Но, господа хорошие, это же дурное место! Про него такое рассказывают Говорят, там даже рыбы плавают головой вверх, чтобы не видеть, что творится на дне. А крабы крабы там вообще ходят строем и, кажется, отдают честь. Я не уверен, я не присматривался, но Зачем вам тащить это именно туда? Разве мало других мест на поверхности? Есть, например, Брайтон. Говорят, там очень мило. Пиво, музыка, никто не задаёт лишних вопросов

Третий агент поднял конечность, и Грютт мгновенно умолк. Вокруг них начал сгущаться ил. Мелкие частицы поднялись со дна и закружились в медленном, гипнотическом

танце, словно сама тьма обретала форму.

— Старые договоры, Грютт, — произнёс Агент, и в его голосе впервые прорезалось что-то, отдалённо напоминающее эмоцию. Возможно, это было нетерпение. Или предвкушение. — Те самые, что связывают нас по рукам и ногам уже многие столетия. Те, что не позволяют нам ступить на твёрдую землю без приглашения. Те, что держат Нижний Мир запертым, словно провинившегося пса в конуре. Они трещат по швам, Грютт. Через месяц, когда лунная дорожка коснётся Чёрного Камня, они потеряют свою силу. Но до тех пор мы не можем выйти на берег сами. Нам нужны проводники. Нам нужны такие, как ты и те люди, которых мы наймём через тебя.

Грютт снова сглотнул. Его левый глаз задергался с удвоенной силой. Он понимал, что вляпался в историю, которая пахнет не просто тухлой рыбой, а целым косяком тухлых рыб, и все они плывут прямо на него. Но отступить было поздно. Связываться с тенями — всё равно что подписывать контракт с голодной акулой: можно попытаться договориться, но зубы у неё всё равно острее.

— Я я всё сделаю в лучшем виде, господа хорошие! — заверил он, пытаясь придать своему голосу уверенности, которой, на самом деле, совершенно не чувствовал. — Доставлю, как почтовый голубь! То есть, как почтовый ну, вы понимаете. Быстро, аккуратно, никто ничего не узнает. Только — он замялся, переминаясь с плавника на плавник, — может, у

вас найдётся пара медуз? Они, знаете ли, успокаивают нервы. У меня тут, видите ли, тик

Он снова моргнул левым глазом, на этот раз так сильно, что чуть не потерял равновесие.

Тени переглянулись. По крайней мере, Грютту показалось, что переглянулись — их алые глаза на мгновение сместились, и в этом движении почудилась тень насмешки.

Первый агент снова заговорил, и его голос прозвучал как приговор:

— Твоя награда, Грютт, — десять полновесных "слёз бездны". Этого хватит тебе, чтобы купить не только медуз, но и целый косяк рыб-попугаев, которые будут петь тебе колыбельные. Но если ты провалишь задание

Он не закончил фразу. Вместо этого из темноты позади Грютта, из той самой пробоины в борту галеона, бесшумно выплыла гигантская мурена. Она была старая, покрытая шрамами, с мутными, но всё ещё злыми глазами. Её пасть, усеянная кривыми, острыми как иглы зубами, приоткрылась в беззвучном зевке, а затем она, не торопясь, описала круг вокруг оцепеневшего от ужаса тритона и так же бесшумно скрылась в темноте. Только её хвост мелькнул на прощание, едва не задев Грютта по носу.

Этой демонстрации оказалось достаточно, и Грютт моментально понял намёк. Мурены отличались не только тем, что были сплетницами, но они были ещё и очень, очень злопамятными.

— Я я всё понял, — пролепетал он, пятясь назад и прижимая к груди сумку с ледяным ларцом. — Сделаю в лучшем виде. Как почтовый ну, вы поняли.

Тени больше не произнесли ни слова. Они просто начали медленно таять, словно утренний туман под лучами солнца, которого здесь никогда не было и в помине. Сначала исчезли очертания их тел, потом пропал алый свет глаз, и наконец ушло само ощущение холода, которое они принесли с собой. Остался только ил, медленно оседающий на дно, да слабое свечение анемонов на обнаженных рёбрах мёртвого галеона.

Грютт остался один. Он судорожно выдохнул, и из его жабр вырвалась струйка пузырьков, которые тут же унеслись вверх, к далёкой, невидимой отсюда поверхности.

— Ну и влип же ты, Грютт, — пробормотал он сам себе, и его голос прозвучал жалобно и одиноко в этой мёртвой тишине. — Влип, как муха в китовый жир. И чего тебе не сиделось на тёплых рифах? Чего тебе не хватало? Так бы и занимался себе контрабандой безделушек, да разными мелкими аферами Нет, полез в большую политику! Проводник, блин! Скажешь тоже

Он развернулся и поплыл прочь от каньона, стараясь двигаться как можно быстрее, насколько позволяли его короткие, толстые плавники и сумка с грузом. Путь его лежал на северо-восток, к мелководью, к скалистым берегам Шотландии, к месту, которое люди называли Ведьминым устьем.

Проплывая мимо колонии светящихся медуз, лениво

дрейфовавших в толще воды, Грютт на мгновение замедлился. Одна из медуз, самая маленькая и, кажется, самая любопытная, подплыла к нему и легонько коснулась его плеча своим щупальцем. По телу тритона пробежала лёгкая, приятная волна тепла, и его левый глаз, дёргавшийся без остановки последние полчаса, наконец, замер.

Грютт благодарно кивнул медузе.

— Спасибо, милая, — прошептал он. — Ты даже не представляешь, какой это был напряжённый день. И, боюсь, он только начинается.

Медуза, не ответив, ведь медузы вообще не очень разговорчивы, уплыла по своим медузым делам. А Грютт, вздохнув в последний раз, продолжил свой путь навстречу приключениям, которые, как он уже начинал подозревать, будут стоить ему гораздо больше, чем десять "слёз бездны" и пары успокоительных медуз.

Где-то далеко внизу, в каньоне, старый галеон продолжал хранить свои секреты. А в его трюме, среди обломков и ила, лежал ещё один чёрный ларец. Он был пустой, но всё ещё хранивший слабый след холода и древней, недоброй магии. Первый груз уже отправился в путь. Но Тени никогда не клали все яйца в одну корзину. Тем более, если эта корзина плыла в компании нервного тритона.

Глава 1. Новые лица и старые проблемы

Утро в подвале Скотланд-Ярда, где располагался Отдел Аномальных и Сверхъестественных Происшествий, началось, как обычно, с тихого, но настойчивого капанья. Но сегодня капало не из крана, который Артур Понд починил ещё на прошлой неделе, потратив на это почти три часа времени, сделав два визита в хозяйственный магазин и получив один нервный срыв, который все же удалось тщательно скрыть за маской невозмутимости.

На этот раз капало прямо с потолка. Точнее, с того места на потолке, где старая водопроводная труба, проходившая транзитом через подвал, решила, что её жизненное призвание не транспортировка воды, а создание атмосферы лёгкой, ненавязчивой сырости. Капля собиралась на ржавом стыке, набухала, словно раздумывая, стоит ли ей отправляться в это рискованное путешествие к полу, и наконец, приняв судьбоносное решение, срывалась и летела вниз, чтобы с тихим, почти трансцендентным "плюх" разбиться о металлический поддон, заботливо подставленный Артуром.

Поддон был из-под кошачьего корма. И хотя кот в отделе имелся, но кормом промышленного изготовления брезговал из принципиальных соображений, предпочитая ему исклю-

чительно то, что удавалось стащить со стола у зазевавшихся сотрудников. Впрочем, кот в данный момент не охотился, а спал, свернувшись клубком на единственном солнечном пятне, которое узкое окошко под потолком милостиво дарило подвалу ровно с десяти до десяти сорока пяти утра.

Артур Понд сидел за своим массивным, дубовым рабочим столом, с многочисленными выдвижными ящиками, в одном из которых хранился неприкосновенный запас печенья "МакВити", а в другом — запасные карандаши, заточенные с такой точностью, что ими можно было проводить хирургические операции. На столе, на идеально ровной линии, выстроились шесть имбирных печений. Партия была новая, с кусочками тёмного шоколада, и Артур, прежде чем приступить к утреннему ритуалу чаепития, тщательно занёс каждое печенье в журнал "Учёта продовольственных запасов", отметив дату приобретения, примерный вес, наличие сколов и, разумеется, срок годности. Самое "юное" печенье, с максимальным запасом жизни, заняло почётное место на левом фланге. Самое "пожилое", чья судьба была предрешена, лежало с краю справа, ожидая своей участи с достоинством, какое только может проявить имбирное печенье перед лицом неминуемого поглощения.

Рядом с журналом лежала стопка чистых бланков — форма 1-А "Заявление о происшествии", форма 2-Б "Отчёт о применении магии", форма 3-В "Акт о списании материальных ценностей, утраченных при контакте с аномалией".

Последняя форма была самой востребованной. С тех пор как отдел начал свою работу, а прошло уже около месяца, Артур успел списать три зонтика, один котелок, два десятка карандашей, унесённых сквозняком из иного измерения, и одну банку чая, которая, по утверждению Фицвильяма, "самопроизвольно достигла состояния абсолютной заварки и перешла на иной план бытия". Артур, как человек рациональный, внёс это в графу "порча имущества вследствие неосторожного обращения с магией".

За его спиной, на подоконнике, сидел кот. Вернее, то, что Фицвильям упорно называл "котом", хотя сам Артур склонялся к термину "экспериментальный образец нестабильной материализации". Кот был полупрозрачным, но не как привычные привидение, которые обычно полностью прозрачны или слегка светятся, а именно полупрозрачным. Его передняя часть, включая голову и лапы, была вполне осязаемой, пушистой и даже мурлыкала, если её почесать за ухом. А вот задняя половина, начиная примерно от середины туловища, постепенно растворялась в воздухе, превращаясь в едва заметное марево, и хвост у него присутствовал лишь теоретически, и иногда в воздухе мелькало что-то, отдалённо напоминающее этот самый хвост, но поймать это взглядом было решительно невозможно.

Фицвильям, создавший этот феномен в ходе неудачного эксперимента по "улучшению меховой текстуры через магическую фазу непостоянства", утверждал, что это времен-

но, и кот скоро стабилизируется. Однако сам Артур, глядя на то, как кот философски смотрит в пустоту и временами пытается вылизывать невидимую заднюю лапу, сильно в этом сомневался. Но кот, надо отдать ему должное, вёл себя на удивление достойно. Он не гадил, не орал по ночам, а только смотрел на всё происходящее с выражением лёгкого, но неизменного презрения, которое, по мнению Артура, было единственной адекватной реакцией на окружающую действительность.

Фицвильям Кембридж, в своей новой небесно-голубой мантии, без звёзд на поверхности, но с загадочными серебристыми разводами, которые, по его словам, символизировали потоки эфира, стоял на коленях перед котом и держал в руке крошечную копчёную рыбку, извлечённую из недр собственного саквояжа. Рыбка пахла соответственно, и кот, несмотря на свою полупрозрачность, явно её чуял. Было хорошо видно, как его ноздри подрагивали, а усы слегка шевелились. Но четвероногий даже не двигался.

— Лапу, Сэр Пушистик! Дайте лапу! — вкрадчиво, почти умоляюще произносил Фицвильям, протягивая рыбку. — Ну, пожалуйста! Вы же разумное существо! В вашем мире наверняка есть этикет! Или хотя бы базовые представления о взаимовыгодном сотрудничестве! Я даю вам рыбку, вы даёте мне лапу. Это же элементарные понятия!

Кот медленно перевёл взгляд с рыбки на лицо Фицвильяма. В его глазах, больших и янтарных, читалась такая

бездна вселенской усталости и снисходительного презрения, что Фицвильям невольно поёжился.

— Он размышляет о бренности бытия, мистер Кембридж, — не отрываясь от журнала, заметил Артур. — Рыбка — слишком материальный стимул для существа, балансирующего на грани между реальностью и абстракцией. Предложите ему достойную идею или хотя бы силлогизм.

— Силлогизм? — Фицвильям на мгновение задумался, потом его лицо озарилось. — Ага! Сэр Пушистик, слушайте! Все коты любят рыбу. Вы — кот. Следовательно, вы должны любить рыбу и, соответственно, дать мне лапу за эту рыбу!

Кот зевнул. Зевок был таким заразительным, что Артур, сам того не заметив, тоже зевнул. Фицвильям, разумеется, зевнул следом. На несколько секунд в кабинете воцарилась атмосфера всеобщей сонливости, нарушаемая лишь каплей с потолка.

— Не сработало, — констатировал Фицвильям, опуская руку с рыбкой. — Может, он предпочитает индуктивный метод? Или, скажем, диалектику?

— Может, он просто не голоден, — сухо ответил Артур, делая пометку в журнале. — Или, что более вероятно, считает ниже своего достоинства выполнять трюки за еду. В этом вы с ним, кстати, похожи.

Фицвильям обиженно засопел, но возразить не успел, так как в дверь постучали. Стук был не громкий, но какой-то... основательный. Так стучат люди, которые привыкли иметь

дело с механизмами и знают, что иногда для достижения результата нужно приложить немного больше усилий, чем кажется достаточным. Артур отложил перо.

— Войдите.

Дверь распахнулась и петли, смазанные Артуром на прошлой неделе, жалобно скрипнули, словно протестуя против такого бесцеремонного обращения. В кабинет вошёл гном.

Артур видел гномов и раньше в Альбионе, во время их первого совместного с Фицвильямом расследования. Те гномы были деловыми, в строгих костюмах, с аккуратно подстриженными бородами и выражением лиц, говорившим о том, что они только что подсчитали ваши расходы и нашли в них несоответствие. Этот же гном был совершенно иным. Он был коренастым, широкоплечим, с окладистой бородой, заплетённой в две тугие косички, перехваченные медными кольцами. Одет он был в простую рабочую куртку из толстой кожи, под которой виднелась клетчатая рубаша, и жилет со множеством карманов, из которых торчали какие-то инструменты, огрызки карандашей и, кажется, кусок вяленого мяса. Но самое примечательное было внизу. На ногах гнома красовались ботинки на чудовищно толстой подошве высотой не менее шести дюймов, сделанной из какого-то слоистого материала, похожего на прессованную пробку. Эти ботинки делали его походку слегка неуклюжей, но придавали его фигуре дополнительную внушительность, которой ему, прямо скажем, не хватало, ведь даже в ботинках с такой плат-

формой он едва доставал макушкой до плеча Артура.

В одной руке гном держал огромный, окованный медью ящик на колёсиках, который он с грохотом втащил за собой и поставил посреди кабинета. В другой руке у него был зажат небольшой, но явно тяжёлый саквояж. Оглядевшись, гном скептически хмыкнул.

— Ну и конура, — произнёс он густым басом, совершенно не соответствующим его росту. — Я-то думал, у Скотланд-Ярда бюджеты побольше будут. Даже стол какой-то низкий, будто для хоббитов делали!

Фицвильям, забыв о коте, вскочил на ноги, и его лицо расплылось в широчайшей улыбке.

— О! Вы, должно быть, тот самый гном-инженер, которого рекомендовала тетушка Элайза! Брок, кажется! Я столько о вас слышал! Говорят, вы можете собрать паровой двигатель из консервной банки и пары улиток! И что вы однажды починили водяную мельницу, используя только скрепку, кусок бечёвки и силу убеждения!

Гном, которого действительно звали Брок, кивнул.

— Могу. Но улитки должны быть шустрые. А эти ваши лондонские — просто меланхолики какие-то. Пока доползут, пока раскочегарятся... проще самому крутить поршни. — Он перевёл взгляд на Артура, который с интересом разглядывал нового посетителя. — А вы, стало быть, главный тут? Инспектор?

— Бывший инспектор, — поправил Артур, вставая и про-

тягивая руку. — Ныне — руководитель отдела. Артур Понд. Можете звать меня просто "сэр". И да, стол действительно низковат. Я уже подал заявку на замену, но, как вы, вероятно, знаете, бюрократия, пусть даже магическая, не терпит спешки.

Брок пожал протянутую руку. Его ладонь была сухой, тёплой и оказалась на удивление сильной. Затем он снова оглядел кабинет, задержав взгляд на полупрозрачном коте, который в ответ на это демонстративно отвернулся и начал вылизывать свою невидимую лапу.

— А это что за чудо природы? — поинтересовался Брок. — Или, точнее, недоразумение?

— Это Сэр Пушистик, — с гордостью ответил Фицвильям. — Мой эксперимент по улучшению меховой текстуры через магическую фазу непостоянства. Он ещё не до конца... стабилизировался.

— Ага, — Брок кивнул с таким видом, словно каждый день видел полупрозрачных котов и давно перестал им удивляться. — Бывает. У меня как-то был пёс, который наполовину провалился в астрал. Гавкал с жутким эхом, но крыс ловил исправно. Тех, что обитали в астрале, конечно.

Артур указал на стул, и Брок, кряхтя, уселся. Из-за его ботинок колени оказались слишком высоко задраны, что, видимо, доставляло ему некоторое неудобство. Он повозился, подложил под себя на стул пару книг по демонологии, взятых с полки, и только тогда устроился более-менее комфортно.

— Итак, мистер Брок, — начал Артур, возвращаясь на своё место. — Леди Элайза Кембридж уведомила нас о вашем прибытии. Вы, как я понимаю, инженер, технический специалист?

— Можно и так сказать, — Брок достал из кармана жилета массивные карманные часы на цепочке, открыл крышку, нахмурился, потом достал вторые часы, третьи... Все они показывали разное время: одни спешили на полчаса, другие отставали на четверть, третьи и вовсе крутились в обратную сторону. — Я — универсал. Могу и паровой котёл починить, и магический контур настроить, и пространственную аномалию законопатить так, что век не протечёт. Главное — чтобы инструмент был хороший и чай подавали вовремя. А с этим у вас, кстати, как обстоят дела?

Артур кивнул в сторону угла, где на старой, но надёжной электроплитке стоял блестящий чайник, а рядом с ним расположились банка с отборным эрл греем и пачка сахара.

— Чай у нас всегда есть. Печенье — тоже. Только прошу не нарушать их строй.

Брок проследил за его взглядом и увидел идеально ровный ряд печенья на столе. Он хмыкнул, но ничего не сказал, и только в его глазах мелькнуло что-то, похожее на уважение. Он явно оценил педантизм начальника.

— Значит, порядок любите, — констатировал он. — Это хорошо. В нашем деле без порядка — никак. Особенно когда имеешь дело с магией. Магия, она, знаете ли, как хороший

механизм: если всё смазано и подогнано — работает как часы. А если тят-ляп — то и разнести все в клочья может.

Фицвильям, который все это время лишь внимательно слушал, не выдержал:

— О, я совершенно с вами согласен! Я всегда утверждал, что магия — это не просто взмах палочкой, это точная наука! Ну, или почти точная. Или, скажем так, творческая, но в рамках строгих парадигм...

Он хотел развить мысль, но в этот момент его взгляд упал на многочисленные часы Брока, и он осёкся.

— Простите, мистер Брок, а почему у вас столько часов? И все показывают разное время?

Брок вздохнул с видом человека, которому приходится объяснять очевидное в сотый раз.

— Потому что время — штука относительная, молодой человек. В разных мирах, в разных измерениях оно течёт по-разному. Вот эти, — он показал на часы, которые спешили, — показывают время в Подгорном Царстве. Там сутки короче на сорок три минуты. А эти, отстающие, — время в Альбионе. Там всё течёт медленно и с достоинством. А эти, которые крутятся обратно, — это просто бракованные. Но я их ношу для симметрии.

Фицвильям смотрел на часы с восторгом, граничащим с религиозным трепетом. Артур же, напротив, сохранял полную невозмутимость. Он достал из ящика чистый журнал и положил его перед Бромом.

— Это журнал учёта времени, мистер Брок. Предлагаю вам начать с того, чтобы синхронизировать хотя бы одни часы с лондонским временем и записать показания. Исключительно для порядка.

Брок взял журнал, полистал пустые страницы и вдруг впервые с момента своего появления в кабинете улыбнулся.

— А вы мне нравитесь, сэр. Мало кто понимает важность правильного учёта. — Он достал из кармана огрызок карандаша и начал старательно выводить в журнале цифры. — Значит, так... Лондон, вторник, десять часов сорок семь минут утра. Поправка на магический фон — плюс три секунды. Поправка на настроение — минус полторы. Итого...

Он так увлёкся, что не заметил, как дверь в кабинет снова открылась, но на этот раз плавно и почти бесшумно.

На пороге стояла молодая женщина. На вид ей было около двадцати семи лет. Тёмные волосы были собраны в строгий пучок, но с несколькими выбившимися прядями, обрамлявшими лицо. Одежда на ней была очень практичная, явно предназначенная для полевой работы, и состояла из бридж плотной ткани, высоких ботинок на шнуровке, и блузки со множеством карманов, из которых торчали всевозможные инструменты — отвёртки, пинцеты, какие-то светящиеся кристаллы на цепочках. В одной руке дама держала объёмистый саквояж, в другой — небольшой прибор, напоминающий гибрид компаса, барометра и музыкальной шкатулки.

Острый, внимательный взгляд серых глаз за стёклами оч-

ков в тонкой металлической оправе, быстро прошелся по помещению. Несколько секунд она молча разглядывала присутствовавших в отделе, и на её лице отразилась сложная гамма чувств от профессионального любопытства до лёгкого ужаса, который она тщательно пыталась скрыть. Её взгляд несколько нейтрально скользнул по Артуру, затем с явным интересом по Броку, с некоторым недоумением по полупрозрачному коту и, наконец, остановился на Фицвильяме, который в этот момент, пытаясь получше рассмотреть часы Брока, наклонился над столом и случайно задел рукавом мантии чернильницу. Чернильница покачнулась, но, к счастью, устояла.

— Доброе утро, — произнесла она голосом, в котором звучала смесь деловитости и сдержанного скепсиса. — Меня зовут Эвилин Роуз. Я специалист по техномагическому обеспечению. Леди Элайза Кембридж назначила меня в ваш отдел для... — она сделала паузу, подбирая слова, — ...для поддержания хотя бы минимального уровня реальности и предотвращения неконтролируемых магических выбросов.

Фицвильям, услышав её имя, выпрямился, словно его ударило током. Он резко обернулся, и его лицо озарилось той особой улыбкой, которая появлялась у него всякий раз, когда он встречал кого-то, кто, по его мнению, мог оценить его энтузиазм.

— О! Мисс Роуз! Какая честь! — Он шагнул к ней, едва не споткнувшись о ящик Брока. — Я столько о вас слы-

шал! Вы закончили Академию с отличием по специальности "Прикладная эфирная механика"! Ваша работа по стабилизации пространственных карманов произвела фурор! Я перечитывал её три раза! Ну, точнее, два с половиной — в середине там очень сложные формулы, я немного запутался, но общий смысл уловил!

Эвилин слегка приподняла бровь. Её лицо оставалось бесстрастным, но в глазах мелькнуло что-то, похожее на удивление — она явно не ожидала, что её научные труды кто-то читал, тем более в этом подвале.

— Благодарю, — сухо ответила она. — А вы, полагаю, Фицвильям Кембридж? Племянник леди Элайзы?

— Он самый! — Фицвильям расплылся в ещё более широкой улыбке и, не в силах устоять на месте, начал жестикулировать, рассказывая: — Я тоже маг! Ну, то есть, я не просто маг, я — практический исследователь! Мы с инспектором Пондом недавно провернули такое дело! Вернули целый фантомный маршрут! Это была эпическая битва с бюрократией! Мы сражались с формулярами, атаковали их же грамматическими ошибками, и в конце концов сам Верховный Клерк Посквиш признал наше превосходство! Вы бы видели, как инспектор исправлял запятые! Это было гениально!

Увлёкшись, он взмахнул рукой, и рукав его мантии задел стоявшую на столе свечу. Свеча была декоративной, зажжённой самим же Фицвильямом утром "для создания рабочей атмосферы". Мантия, пошитая, как выяснилось, из

легковоспламеняющейся ткани эфирных потоков, мгновенно вспыхнула. Пламя было необычным — оно переливалось всеми цветами радуги и издавало лёгкий, почти мелодичный треск, словно миниатюрный фейерверк.

— А-а-а! — завопил Фицвильям, начиная метаться по кабинету. — Опять! Почему она всегда загорается, когда я говорю о чём-то важном?! Это какое-то проклятие!

Брок, не отрываясь от своего журнала, философски заметил:

— Это не проклятие, а просто некачественный материал. Я бы посоветовал асбест или здравый смысл. Говорят, он тоже не горит.

Эвилин, не теряя ни секунды, спокойно поставила свой саквояж на пол, открыла его и извлекла небольшой металлический баллончик с надписью "Заморозка эмоций. Огнетушитель. Модель 7-Б". Она направила сопло на горящий рукав Фицвильяма и нажала на клапан. Из баллончика вырвалась струя ледяного воздуха с кристалликами инея, окутала рукав, и пламя погасло, оставив после себя лишь облачко пара и запах мокрой ткани. Рукав покрылся тонким слоем льда, и Фицвильям, стуча зубами, перестал наконец крутиться юлой.

— С-с-спасибо, — пробормотал он, дрожа. — Очень... э-э-эффективно.

Эвилин убрала баллончик обратно в саквояж и, поправив очки, произнесла всё тем же ровным, бесстрастным тоном:

— Я бы посоветовала вам, мистер Кембридж, носить что-то менее поэтичное. Например, лабораторный халат из огнупорной ткани. Или, на худой конец, просто не размахивать руками вблизи открытого огня. Это элементарная техника безопасности, которую проходят ещё на первом курсе.

Фицвильям, всё ещё дрожа, кивнул, не в силах возразить. Артур, наблюдавший за этой сценой с неизменной невозмутимостью, сделал глоток уже немного остывшего чая и наконец подал голос:

— Мисс Роуз, добро пожаловать в ОАСП. Как вы уже, вероятно, поняли, мистер Кембридж у нас отвечает за энтузиазм и спонтанные возгорания. Мистер Брок — за техническую часть и хронометрию. Я — за протоколы и порядок. Располагайтесь. Чайник — в углу. Печенье — на столе. Только прошу не нарушать их строй. Это важно.

Эвилин перевела взгляд на ряд печенья, выстроенных с геометрической точностью. Она кивнула и, подойдя к столу, аккуратно присела на свободный стул, предварительно смахнув с него невидимую пылинку.

— Благодарю, мистер Понд, — сказала она. — Я ценю порядок. В моей работе без него никак. Особенно когда имеешь дело с... — она бросила взгляд на Фицвильяма, который в этот момент пытался отогреть замёрзший рукав дыханием, — ...с нестабильными магическими факторами.

Брок, закончив запись в журнале, поднял голову.

— А вы, значит, техномаг? — спросил он с интересом.

— Уважаю. Редкая специальность. Обычно маги либо чинят артефакты, либо колдуют, а чтобы и то, и другое — это надо иметь особый склад ума. У меня к вам будет пара вопросов по поводу стабилизации энергетических контуров в условиях повышенной влажности. А то у меня тут одна идея насчёт подводного фонаря...

Эвилин кивнула, и между ней и Броком завязался тихий, но оживлённый разговор, полный технических терминов, из которых Артур понимал примерно каждое пятое слово. Фицвильям, наконец отогревший рукав, попытался вклиниться в беседу, но его реплики о гармонии эфирных потоков и интуитивном постижении магии встречали вежливое, но твёрдое сопротивление со стороны обоих технарей.

Артур, воспользовавшись моментом, допил чай, поправил ряд печенья, потому что одно, крайнее справа, слегка сдвинулось, когда воспламенившийся Фицвильям метался по кабинету, раскрыл свой ежедневник и сделал пометку:

"Личный состав укомплектован. Инженер Брок — специалист широкого профиля, склонен к ворчливости, ценит порядок. Техномаг Эвилин Роуз — компетентна, хладнокровна, имеет опыт работы с магической техникой. Потенциально полезные кадры. Уровень хаоса в отделе — повышенный, но контролируемый. Рекомендуется приобрести дополнительные огнетушители".

Он закрыл ежедневник и посмотрел в окно. За мутным стеклом начинался новый день. Обычный лондонский день,

серый, дождливый, полный предсказуемой рутины. Но Артур Понд, бывший инспектор, а ныне руководитель Отдела Аномальных и Сверхъестественных Происшествий, уже знал, что в их работе рутина — понятие относительное. И, судя по тому, как полупрозрачный кот на подоконнике вдруг насторожился и уставился в угол, где, казалось, ничего не было, что-то интересное уже маячило на горизонте.

Глава 2. Письмо из Шотландии

В кабинете воцарилась относительная тишина, а вернее, её подобие. Полноценной тишины в помещении, где собрались эти четверо, быть не могло по определению. Мантия Фицвильяма всё ещё дымилась после недавнего возгорания, распространяя запах палёной ткани. Многочисленные часы Брока тикали вразнобой и, кажется, вели какой-то свой, никому не ведомый отсчёт. Эвилин, хмурясь, раскладывала на краю стола приборы и время от времени косилась на полупрозрачного кота с явным опасением, будто она только и ждала, что тот вот-вот материализуется полностью и непременно что-нибудь испортит.

Посреди этого бедлама единственным островком спокойствия оставался Артур Понд, который в данный момент заваривал чай. Делал он это методично, даже в чем-то торжественно. Щепотка заварки из жестяной банки — ровно чайная ложка с небольшой горкой. Заварочный чайник, заранее прогретый кипятком. Вода, доведённая до той самой температуры, которую он привык определять по едва уловимому шуму закипающего чайника. Крышка и четыре минуты ожидания. Ни секундой больше, ни секундой меньше. В этом ритуале было что-то успокаивающее. Возможно, это оставалось последним, что ещё поддавалось контролю в его стремительно меняющейся жизни.

Фицвильям, который уже успел оправиться от ледяного душа, устроенного Эвилин, и теперь сидел на стуле, закутавшись в клетчатый плед с подозрительными пятнами, отдалённо напоминавшими следы от зелий, и с интересом наблюдал за процессом.

— Инспектор, вы завариваете чай с такой торжественностью, словно проводите алхимический ритуал, — заметил он, кутаясь в плед. — Я всегда говорил, что в вас пропадает великий маг. Вы, пожалуй, могли бы специализироваться на зельях точного времени.

— Чай — это не магия, мистер Кембридж, — не оборачиваясь ответил Артур. — Это наука. Точнее, дисциплина. Вода должна быть правильной температуры, заварка — в правильном количестве, время настаивания — правильной продолжительности. Любое отклонение от нормы ведёт к катастрофе. Горький, перезаваренный чай — это не напиток, а сущее наказание.

— О, я с вами полностью согласен! — оживился Фицвильям. — У меня однажды был случай, когда я пытался заварить чай с помощью заклинания ускоренного нагрева, но перепутал руны и вместо чая получил жидкость, которая пела арии из опер и требовала, чтобы её называли графиней. Пришлось вылить все в раковину под аккомпанемент её возмущённых криков. Очень неловко вышло.

Эвилин, не поднимая головы от своих приборов, тихо прокомментировала:

— Руна "Кантата" вместо руны "Калорис". Классическая ошибка первокурсников. Удивительно, что вы не превратили чайник в тенора.

Фицвильям хотел было возразить, но в этот момент его внимание привлекло нечто за окном. Точнее, в окне, в проеме которого, заслоня скудный дневной свет, виднелся странный объект. Нечто перепончатое, покрытое мелкими перьями и ритмично постукивающее по стеклу.

— Что это? — спросил Фицвильям, вглядываясь. — Похоже на... ласту? Но ласты не бывают покрытыми перьями. И обычно они не стучат в окна подвала.

Брок, который в этот момент настраивал свои часы, сверяя их с каким-то сложным устройством, напоминавшим гибрид астролябии и карманных часов, поднял голову и прищурился.

— А, это, — произнёс он с видом знатока, — почтовый пингвин шотландской породы. Их разводят на северных островах для доставки срочных сообщений. Они не боятся ни шторма, ни магии, ни чаек. Очень выносливые птицы. Правда, характер у них невероятно скверный. Они вечно всем недовольны, впрочем, как и все истинные шотландцы.

Артур, который как раз закончил заваривать чай и наливал его в свою любимую кружку с логотипом Скотланд-Ярда, медленно повернулся к окну. Он снял очки, протёр их носовым платком, снова надел и внимательно посмотрел на странное существо за окном.

— Почтовый пингвин, — повторил он без всякого выражения. — Ну, разумеется. А я-то думал, что после фантомных автобусов и поющих чайников меня уже ничем не удивить. Оказывается, ошибался.

Он подошёл к окну, привстал на цыпочки, так как окно было расположено неудобно высоко, и, поколебавшись одно лишь мгновение, открыл задвижку. Створка распахнулась, и в кабинет, неуклюже хлопая крыльями-ластами, ввалился пингвин. Он был невысоким — около двух футов ростом, — плотным, с блестящей чёрно-белой окраской и ярко-жёлтыми перьями на голове, напоминавшими взъерошенный хохолок. Его глаза-бусинки смотрели на мир с выражением глубокого, явно идеологического, неодобрения. В клюве он держал толстый конверт из намокшей воценой бумаги, перевязанный грубой бечёвкой.

Пингвин деловито отряхнулся, разбрызгивая капли воды по всему кабинету. При этом несколько капель попало на разложенные приборы Эвилин, и она недовольно поджала губы. Затем необычный почтальон проковылял к столу Артура и положил конверт прямо на его раскрытый ежедневник, поверх аккуратных записей. После этого он развернулся, бросил презрительный взгляд на полупрозрачного кота, на что тот ответил тем же, и, не дожидаясь ответа или хотя бы знака внимания, выпрыгнул обратно в окно, чуть не застряв в проёме своим упитанным телом.

В кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь тиканьем

часов Брока и капаньем с потолка.

Фицвильям первым нарушил молчание:

— Это... это было потрясающе! Настоящий почтовый пингвин! Я читал о них в "Справочнике по магической орнитологии" профессора Пузырьса! Там говорилось, что они способны находить адресата где угодно, даже в иных измерениях, и что их клюв обладает магической защитой от перехвата корреспонденции! А ещё они невероятно преданные! Однажды такой пингвин доставил письмо адресату через тридцать лет после отправки, потому что адресат всё это время находился в петле времени! Представляете?

— Представляю, — сухо ответил Артур, беря конверт двумя пальцами. Бумага была влажной, холодной и пахла морской солью, водорослями, йодом и чем-то ещё, неуловимым, что он определил как "запах дальних странствий". — Меня больше интересует, кто и зачем отправил нам письмо с помощью столь экзотического курьера.

Он аккуратно развязал бечёвку и вскрыл конверт. Внутри оказался сложенный вчетверо лист плотной, слегка пожелтевшей бумаги, исписанный неровным, но старательным почерком. Строки явно принадлежали человеку, который не часто держал в руках перо, но очень хотел, чтобы его поняли правильно. К листу был приколот небольшой засушенный цветок вереска и крошечный, грубо вырезанный из дерева амулет в виде рыбы с круглым глазом-дырочкой.

Артур развернул письмо, надел очки и начал читать вслух.

Его голос звучал ровно, но в нём проскальзывали нотки, которые Фицвильям, хорошо его знавший, определил бы как "сдержанный скепсис, граничащий с профессиональным интересом".

— "Уважаемому Отделу Аномалий в Лондоне. Пишет вам староста Энгус Мактавиш из деревни Кейтнесс-Хейвен, что на северном побережье Шотландии, в графстве Кейтнесс. Не знаю, туда ли я обращаюсь и есть ли вообще такой отдел, но мне дал ваш адрес один человек. Он сказал, что вы занимаетесь странными делами. А у нас тут дело очень странное. Уж и не знаем, что думать по этому поводу".

Артур сделал паузу, чтобы отпить чая. Все слушали, затаив дыхание. Даже кот, кажется, перестал вылизываться и наострил уши.

— "Вода в нашем заливе, который мы зовём Ведьминым устьем, стала чужой. Рыба уходит, даже та, что обычно держится у берега. Сети рвутся сами собой, будто их кто-то режет снизу. А те, что остаются целыми, приходят пустыми, хотя по всем приметам должен быть улов. Трое наших рыбаков — крепкие, опытные мужики, знавшие море как свои пять пальцев, — пропали без вести неделю назад. Вышли в тихую погоду и не вернулись. Лодку нашли дрейфующей у Ведьминого устья пустой и без каких-либо следов борьбы. Ни крови, ни знаков — ничего. Будто они просто встали и шагнули за борт".

Фицвильям ахнул и прижал руки к груди. Эвилин нахму-

рилась и потянулась к своему сканеру, словно хотела немедленно проверить, нет ли в письме магических следов. Брок, не отрываясь, смотрел на Артура, и его пальцы машинально поглаживали бороду.

— "А по ночам, — продолжал Артур, — со стороны устья доносится пение. Не человеческое и не звериное. Вроде как женское, но какое-то не от мира сего. Сладкое, тоскливое. От него стынет кровь в жилах, и вообще забываешь, куда шёл. Наши старожилы говорят, что это сирены или морские девы. Я в чудеса не верю, но лодку свою вытащил подальше на берег и жене наказываю по ночам из дому не выходить. А ещё собаки воют на море, а в воду заходить боятся."

Артур неторопливо перевернул страницу.

— "Я понимаю, что всё это звучит как бредни суеверного старика, но я вовсе не суеверный. Я рыбак, и привык доверять тому, что вижу и слышу. А вижу и слышу я то, чего быть не должно. Если вы и вправду занимаетесь такими делами, приезжайте. Нам некому больше помочь. Полиция из Инвернесса только руками развела и сказала, что это, мол, естественные причины — утонули, дескать, рыбаки по пьяни. Но они были трезвые, и море было спокойное. Тут что-то другое. Я это чую. С письмом высылаю странный амулет, который был выброшен у на сушу недалеко от Ведьминного устья. Может это вам как-то поможет. Энгус Мактавиш, староста деревни Кейтнесс-Хейвен".

Артур закончил чтение и аккуратно положил письмо на

стол. В кабинете воцарилась тишина, которую нарушил только Брок, громко хмыкнувший и почесавший бороду.

— Сирены, значит, — произнёс он задумчиво. — Или морские девы. Ерунда какая-то. Не вериться мне в эти сказки. Но пропавшие рыбаки — это уже серьёзно.

Фицвильям, который всё это время сидел, затаив дыхание и прижимая руки к груди, наконец, взорвался эмоциями. Он вскочил со стула, сбросив плед на пол, и его лицо озарилось тем самым выражением, которое Артур читал как предвестника грядущего хаоса, — смесью детского восторга, научно-го любопытства и полного отсутствия инстинкта самосохранения.

— Инспектор! — воскликнул он, и его голос сорвался на фальцет. — Это же потрясающе! Сирены! Настоящие сирены! Или, возможно, мерроу — легендарный морской народ! Мы должны немедленно выехать туда! Это наш прямой долг — защитить этих простых, суеверных, но, несомненно, мужественных шотландских рыбаков! Мы не можем их бросить! Представьте только — морские девы, поющие в тумане! Возможно, это последние представительницы древнего вида, и они нуждаются в нашей помощи! Или, наоборот, они представляют угрозу, и мы должны изучить их повадки и найти способ мирного сосуществования! В любом случае, это дело для ОАСП!

Он уже начал метаться по кабинету, на ходу прикидывая, что нужно взять с собой, и бормоча себе под нос:

- Ласты... маску... запасную мантию... нет, две запасные мантии, потому что одна точно промокнет... может, взять ещё "Справочник по чудовищам глубин"? И воблу! Воблу обязательно! Говорят, русалки любят воблу... или это про кикимор было сказано?

Артур поднял руку, и Фицвильям, словно наткнувшись на невидимую стену, замер на полуслове.

— Мистер Кембридж, — произнёс Артур ледяным тоном, который, однако, не мог полностью скрыть нотки усталой обречённости, — я понимаю ваш энтузиазм, но давайте не будем торопиться с выводами. Сирены, о которых вы говорите с таким восторгом, — это, скорее всего, либо браконьеры с хорошей акустической системой, пугающие с её помощью местных, либо тюлени в брачный период. Или, возможно, местные жители, которые таким образом пытаются отвадить конкурентов от рыбных мест. Что касается пропавших рыбаков, то, вероятно, они просто попали в сильное течение, и их тела ещё не нашли. Такое случается. Море — стихия непредсказуемая.

Фицвильям открыл было рот, чтобы возразить, но Артур продолжил, не дав ему вставить ни слова:

— Однако, — он сделал паузу, — я не могу игнорировать официальное обращение. Тем более, что оно пришло к нам по каналам, которые, судя по способу доставки, имеют отношение к магическому сообществу. Почтовый пингвин — это не та птица, которую используют для рассылки рекламных

буклетов. Поэтому я внесу это дело в план расследования.

Он взял свой ежедневник и аккуратным почерком вписал:
"Дело 2. Обращение старосты Энгуса Мактавиша из деревни Кейтнесс-Хейвен. Предположительно: исчезновение рыбаков, аномальная активность в прибрежных водах. Требуется проверка на месте".

Фицвильям просиял, но Артур ещё не закончил.

— Однако, прежде чем мы куда-либо поедем, я хотел бы услышать мнение остальных членов команды. Мисс Роуз, что вы думаете?

Эвилин, которая всё это время молча изучала письмо и амулет с помощью своего сканера, подняла голову.

— Я зафиксировала слабый, но устойчивый магический фон, — сообщила она. — Очень древний, связанный с водой и луной. Амулет — простая защитная поделка, но в ней есть остаточные следы магии, характерной для морского народа. Это не доказательство, но... косвенное подтверждение того, что в Кейтнесс-Хейвене действительно происходит нечто, выходящее за рамки обычного. Я бы рекомендовала провести расследование на месте.

Артур кивнул и перевёл взгляд на Брока.

— Мистер Брок?

Гном почесал бороду и пожал плечами.

— Я — человек простой. Если есть работа — я её делаю. А работа тут, похоже, действительно есть. И, судя по описанию, она связана с водой. Значит, понадобится специальное

снаряжение. У меня как раз есть пара идей насчёт подводного аппарата. Давно хотел опробовать одну конструкцию... — его глаза загорелись инженерным азартом. — Так что я — за.

Артур снова кивнул и, казалось, уже собирался подвести итог, когда в помещении снова раздался стук, но на этот раз более традиционный - в дверь. Но этот стук звучал по-иному, нежели все предыдущие. Он был не громким и основательным, как у Брока, и не тихим и деловым, как у Эвилин. Это был стук властный, уверенный, не допускающий возражений. Стук человека, который привык, что двери открываются перед ним сами, даже если он к ним не прикасается.

— Войдите, — сказал Артур, и в его голосе промелькнула едва заметная нотка обречённости. Он уже догадывался, кто стоит за дверью.

Дверь распахнулась, и в кабинет вошла сама леди Элайза Кембридж.

Она была, как всегда, безупречна. Тёмно-зелёный дорожный костюм особо подчёркивал её стройную, подтянутую фигуру. На голове изящно сидела чёрная шляпа с вуалью, из-под которой поблёскивали внимательные, пронизательные глаза. В одной руке была зажата неизменная трость с серебряным набалдашником в виде головы сокола, в другой держала небольшой саквояж из тёмной кожи. Она вошла, и в кабинете сразу стало как-то теснее. Не физически, а энергетически. Словно само пространство подобралось и вытянулось по струнке, признавая её авторитет.

Эвилин, увидев леди Элайзу, мгновенно выпрямилась, одёрнула свою блузку и поправила очки, стараясь принять максимально официальный вид. Было заметно, что она испытывает перед этой женщиной смесь глубокого уважения и лёгкого трепета. Брок, напротив, лишь слегка кивнул, словно приветствуя старую знакомую, и снова уткнулся в свои часы — он явно был не из тех, кого легко смутить чинами. Фицвильям же, увидев родственницу, расплылся в широчайшей улыбке и, казалось, готов был броситься ей на шею, но вовремя вспомнил о приличиях и ограничился почтительным поклоном.

— Тётушка! Какая неожиданная радость! — воскликнул он. — Мы как раз собирались в Шотландию! Вы, наверное, уже всё знаете, да? Вы же всегда всё знаете!

Леди Элайза слегка приподняла бровь и окинула взглядом собравшихся. Её взгляд задержался на полупрозрачном коте, который в ответ на это демонстративно отвернулся и начал вылизывать свой невидимый бок. Затем она перевела взгляд на письмо, лежавшее на столе Артура, и на амулет-рыбку рядом с ним.

— Вижу, вы уже получили послание из Кейтнесс-Хейвена, — произнесла она своим низким, ровным голосом, в котором звучали нотки удовлетворения. — Отлично. Это сэкономит время. Я как раз собиралась обсудить с вами именно это дело.

Она прошла к столу, не спрашивая разрешения, взяла од-

но печенье из ряда, выстроенного Артуром, который в свою очередь едва заметно поморщился, но промолчал, и, надкусив его, продолжила:

— Кейтнесс-Хейвен — это совсем не простая рыбацкая деревушка на краю света. Это место имеет очень древнюю историю. Там, в глубине Ведьминого устья, находится один из немногих сохранившихся порталов в Подводное царство. Точнее, то, что от него осталось после Великой Войны между Морским Народом и силами Нижнего Мира. Портал нестабилен, но всё ещё активен. Его охраняют старые договоры — магические соглашения, заключённые многие столетия назад между людьми, мерроу и, скажем так, иными силами. Эти договоры сдерживают проникновение тёмных существ из глубин на поверхность.

Она сделала паузу, чтобы отпить чая из кружки Артура, который снова промолчал, но его пальцы, сжимавшие ручку, слегка побелели.

— Если в том районе происходят аномалии, о которых пишет староста, это может означать только одно - кто-то пытается обойти или разрушить эти договоры. И этот "кто-то", вероятнее всего, действует прямо из Нижнего Мира. Тени, тёмные агенты, древние сущности — называйте их как хотите. Они не могут выйти на поверхность сами, пока договоры в силе, но они могут действовать через посредников. Через тех, кто готов за плату или по незнанию выполнять их поручения.

Фицвильям, слушавший тетушку с открытым ртом, не выдержал:

— Вы имеете в виду... контрабандистов? Тех, кто перевозит запрещённые артефакты или... или существ из Нижнего Мира?

— Именно, — кивнула леди Элайза. — И, судя по тому, что там уже пропадают люди, их деятельность перешла в активную фазу. Возможно, они ищут что-то конкретное. Или готовят почву для более масштабного вторжения. В любом случае, это нельзя оставлять без внимания.

Она повернулась к Артуру, и её взгляд стал предельно серьёзным.

— Мистер Понд, я понимаю ваш скептицизм. Вы привыкли доверять фактам и уликам. Но поверьте моему опыту, что в таких делах факты часто выглядят как сказки. Однако от этого они не перестают быть реальными. Я рекомендую вам и вашей команде отправиться в Кейтнесс-Хейвен как можно скорее. Транспорт и финансирование я беру на себя. Поезд на Инвернесс завтра утром. На станции прибытия вас будет ждать автомобиль, который доставит вас прямо до деревни. Всё необходимое снаряжение так же за мой счёт.

Артур несколько секунд молчал, обдумывая услышанное. Затем он кивнул.

— Хорошо, леди Кембридж. Я принимаю ваше предложение. Дело действительно выглядит крайне необычным. И, учитывая ваш опыт и знания, я склонен безоговорочно до-

верить вашей оценке ситуации. Мы отправимся завтра же утром.

Фицвильям едва не подпрыгнул от радости, но вовремя сдержался, ограничившись широкой улыбкой. Брок одобрительно хмыкнул и начал прикидывать, какие инструменты взять с собой. Эвелин кивнула и принялась составлять список необходимых приборов.

Леди Элайза, удовлетворённая ответом, направилась к двери, но на пороге обернулась.

— И ещё, Понд, — сказала она, и в её голосе промелькнула тень тревоги, — будьте крайне осторожны. Там, на севере, всюду чувствуется дыхание древних сил. Сил, которые лучше не тревожить без крайней необходимости. И возьмите с собой зонт. В Шотландии дождь идёт даже под водой.

Дверь закрылась, и в кабинете снова воцарилась тишина.

Артур допил свой чай, посмотрел на пустую кружку, потом на ряд печенья, который несколько уменьшился, потому как леди Элайза взяла крайнее справа, самое "пожилое", и он мысленно поблагодарил её за то, что она не нарушила заведенный им порядок полностью. Затем он раскрыл свой ежедневник и сделал ещё одну пометку:

"Командировка в Шотландию, деревня Кейтнесс-Хейвен. Цель: расследование исчезновения рыбаков и аномальной активности в прибрежных водах. Потенциальная угроза: нарушение старых договоров, проникновение сущностей Нижнего Мира. Рекомендуется: взять тёплую одежду, непромо-

каемую обувь, зонт. И, возможно, что-нибудь от морской болезни".

Он закрыл ежедневник, встал и подошёл к окну. За мутным стеклом, в узком проёме, виднелось серое лондонское небо, с которого моросил мелкий, нудный дождь. Обычный лондонский дождь. Но теперь, после слов леди Элайзы, он казался Артуру предвестником чего-то большего. Чего-то, что ждало их там, на севере, среди суровых скал и туманных вод Ведьминого устья.

— Что ж, коллеги, — произнёс он, оборачиваясь к своей команде, — завтра нам нужно поспеть на ранний поезд. Рекомендую всем заранее собрать необходимые вещи, хорошенько выспаться и... мистер Кембридж, пожалуйста, оставьте воблу в покое. Уверен, что шотландские русалки предпочитают что-нибудь более изысканное. Например, копчёного лосося.

Фицвильям, который уже начал паковать свой саквояж, замер с воблой в руке, посмотрел на неё с сомнением, потом вздохнул и убрал обратно в ящик своего стола.

— Вы, наверное, правы, инспектор, — сказал он с лёгкой грустью. — Но всё равно, я полагаю, что стоит взять её на всякий случай. Вдруг мы встретим не русалку, а, скажем, голодного кракена. А кракены, говорят, воблу ох как уважают.

Глава 3. В путь

Как и предполагал Артур в своей мудрости, вечер накануне отъезда выдался взбалмошным даже по меркам ОАСП, где суматоха давно стала привычным фоном, еще до появления громко тикающих часов Брока. Артур, отдав все необходимые распоряжения и убедившись, что журнал учёта продовольственных запасов надёжно заперт в ящике стола, позволил себе ранний уход. Он намеревался собраться в спокойной, размеренной обстановке своей квартиры, где абсолютно все было предсказуемо. Остальные же, каждый по-своему, погрузились в хаос подготовки.

Фицвильям Кембридж воспринял предстоящую экспедицию как личный вызов и одновременно как величайшее приключение в своей жизни, после возвращения фантомного автобуса, разумеется, но то было приключение бюрократическое, а это обещало настоящий выход в поле. Он разложил на полу кабинета содержимое своего бездонного саквояжа, и вскоре окружающее пространство стало напоминать лавку старьёвщика, в которую завезли партию морских диковин. Ярко-жёлтые ласты, с нарисованными красной краской молниями по бокам, он приобрёл накануне у одного торговца на Портобелло-роуд, который клялся, что в этих ластах сам Нептун гонял кальмаров. Маска для плавания, снабжённая трубкой с миниатюрным флюгером на конце, по замыс-

ду Фицвильяма должна была не только обеспечивать обзор, но и предсказывать направления подводных течений. Книга "Морская магия за двадцать четыре часа" лежала поверх стопки из ещё трёх довольно толстых томов с многоговорящими названиями: "Справочник по чудовищам глубин с иллюстрациями", "Как выжить после встречи с кракеном: практическое руководство" и "Этикет общения с русалками и прочими водными девами". Последняя была заложена засушенной морской звездой на главе "О чём не следует спрашивать мерроу при первой встрече".

Рядом с книгами Фицвильям аккуратно сложил три пары запасного белья "на случай, если нас затянет в водоворот и придётся сушиться", а также вязаный свитер с оленями, подаренный ему кем-то из дальних родственников на Рождество и ни разу не надеванный, но теперь казавшийся чрезвычайно уместным для сурового северного климата. Завершала натюрморт вяленая вобла, завёрнутая в пергамент с надписью "Для подкупа морских обитателей", и небольшая сетка с лампочками на батарейках, как "подводная иллюминация для создания уютной атмосферы в случае затяжных переговоров".

Эвилин, проходившая мимо с охапкой приборов, остановилась и несколько секунд молча созерцала всё это великолепие. На её лице отразилась сложная гамма чувств, которую сторонний наблюдатель мог бы ошибочно принять за глубокую задумчивость, но на самом деле это была попытка по-

давить желание немедленно всё это конфисковать и выдать Фицвильяму стандартный полевой набор, состоящий из фонарика, компаса и сухого пайка.

— Мистер Кембридж, — произнесла она наконец, и её голос был ровным, как поверхность лабораторного стола, — вы уверены, что всё это нам понадобится? Мы едем расследовать обстоятельства исчезновения людей, а не на открытие подводного курорта. Иллюминация, боюсь, привлечёт не столько дружелюбных русалок, сколько голодных акул.

Фицвильям, стоявший на коленях перед своим саквояжем и пытавшийся утрамбовать туда ещё и складной зонтик с узором из морских коньков, поднял голову и посмотрел на Эвилин с выражением искреннего непонимания.

— Но, мисс Роуз, — возразил он, — в любом расследовании, даже самом мрачном, важен элемент комфорта и... и доброжелательной атмосферы! Представьте, как мы спускаемся в тёмные глубины, вокруг холод, мрак, неизвестность, и вдруг — тёплый огонёк иллюминации! Это же сразу располагает к диалогу! Русалка видит, что мы пришли не с копьями и сетями, а с уютом и, возможно, с угощениями, и понимает, что эти люди — друзья!

Эвилин ничего не ответила. Она лишь посмотрела на него долгим, изучающим взглядом, потом перевела взгляд на воблу, потом снова на него, и в этом взгляде читался приговор, который она, впрочем, оставила при себе. Она молча развернулась и пошла собирать своё снаряжение, которое в от-

личии от "полевого набора" Фицвильяма было компактное, функциональное и лишённое каких-либо декоративных элементов.

Техномаг сложила в походную сумку сканер магических полей, ею же усовершенствованной модели с увеличенной дальностью действия и защитой от помех, набор амулетов-накопителей для экстренной энергетической подпитки, портативный анализатор воды, способный определить не только химический состав, но и наличие магических примесей. Завершало все аптечка с зельями первой необходимости — от кровоостанавливающего до противоядия от укусов ядовитых медуз, и, разумеется, несколько компактных огнетушителей "Заморозка эмоций" на случай, если Фицвильям снова решит что-нибудь поджечь.

Брок, в отличие от остальных, собирался не в кабинете, а в сарае на задворках Скотланд-Ярда, который он каким-то образом сумел арендовать за символическую плату, пообещав завхозу починить протекающую крышу, что он и сделал, причём с использованием такой сложной системы желобов и магических кристаллов, что крыша теперь не только не протекала, но и, по слухам, предсказывала погоду. В сарай он втащил свой огромный ящик на колёсиках, и теперь методично укладывал в него инструменты. Гаечные ключи всех мыслимых размеров, отвёртки, молотки, зубила, напильники. Мотки медной проволоки, изоляционной ленты, бечёвки. Ещё он прихватил запасные кристаллы для маги-

ческих контуров, несколько банок с техническим маслом и одну с вяленным мясом. И, наконец, в ящик был помещен предмет его особой гордости — подводный фонарь "Светлячок-3000", представлявший из себя громоздкое сооружение из медных трубок, линз и рычажков, работавшее на магическом кристалле и включавшееся, по его словам, особым образом.

— Значит, так, — бормотал Брок, закрепляя фонарь в специальном гнезде внутри ящика, — ежели что, чихать три раза и говорить "Да будет свет". Настраивал на ходу, так что могут быть нюансы. Ежели насморк, то будет мерцать. Ежели чихнёшь четыре раза — включится режим "дискотека", а это под водой ни к чему, рыбы пугаются.

Напомнив таким образом самому себе инструкцию по пользованию фонарем, он задвинул ящик в угол, накрыл брезентом и удовлетворённо хлопнул по нему ладонью. Завтра этот ящик отправится в вагон поезда, а оттуда прямо в неизвестность, полную воды, тьмы и, если верить письму старого рыбака, чего-то ещё, о чём Брок предпочитал пока не думать. Думать он будет на месте, когда увидит проблему своими глазами - именно таков был его метод.

Артур Понд, как и запланировал, собирался в полном одиночестве, в тишине своей квартиры, где капающий кран отбивал привычный ритм, а дверь в прихожей то и дело приоткрывалась сквозняком. Он не стал брать много вещей. Многолетний опыт службы в Скотланд-Ярде научил его, что в

полевых условиях лишний груз только мешает делу. Сменная рубашка, запасная пара носков, несессер с бритвенными принадлежностями. Блокнот в клеёнчатой обложке, с запасом чистых страниц. Три остро заточенных карандаша, потому что карандаш, в отличие от пера, не подведёт ни в дождь, ни под водой. Пачка неизменного печенья "МакВити" с кусочками тёмного шоколада из партии от двенадцатого октября. И, разумеется, складной зонт-трость — не столько от дождя, сколько как универсальный инструмент. Таким зонтом можно помочь себе на скользкой тропе, отбиться от не слишком агрессивного противника и, в крайнем случае, использовать как указку при допросе.

Отдельное место в его саквояже занял модернизированный котелок. Эвелин накануне поколдовала над ним, добавив в кристалл функцию подводного видения. Теперь котелок не только позволял видеть магические потоки и ауры, но и корректировал искажения света в воде, что, по заверению Эвелин, должно было значительно улучшить визуальное восприятие в условиях подводной среды. Артур, выслушав это пояснение техномага, лишь кивнул и мысленно отметил, что теперь его головной убор официально стал самым технологичным предметом его гардероба, обогнав даже часы на цепочке, которые всего лишь показывали время, хоть и делали это с безупречной точностью.

Утром следующего дня они встретились на вокзале Кингс-Кросс. Оно выдалось промозглым, типично лондон-

ским — с моросью, низким серым небом и ощущением, что солнце где-то есть, но сегодня оно взяло отгул.

Вокзал гудел, как улей. Носильщики сновали туда-сюда с тележками, пассажиры спешили к своим платформам, голуби, жирные и наглые, деловито расхаживали под ногами, выскывая крошки. Где-то на дальней платформе пыхтел паровоз, выпуская в сырой воздух клубы белого пара, и его гудок, низкий и протяжный, на мгновение перекрывал весь этот шум.

Фицвильям явился в новой мантии глубокого синего цвета с серебристой вышивкой по краям, изображавшей, по его словам, стилизованные волны и пенных коней. Мантия была заметно длиннее предыдущей и волочилась по мокрому перрону, собирая грязь и вызывая неодобрительные взгляды уборщиков. Ласты он привязал к саквоюжу снаружи, и они ритмично постукивали при ходьбе, привлекая внимание не только носильщиков и голубей, но и небольшой компании школьников, которые, проходя мимо, прыснули со смеху и начали показывать на него пальцами. Фицвильям, впрочем, не обратил на это ни малейшего внимания, так как он был слишком поглощён сверкой списка взятого снаряжения с воображаемым перечнем необходимого.

Эвилин, одетая в строгий дорожный костюм серого цвета, с аккуратным саквоюжем в одной руке и футляром с приборами в другой, старалась держаться от него на почтительном расстоянии, всем своим видом показывая, что она с этим яр-

ким персонажем исключительно по долгу службы. Её каблучки отбивали по плитам перрона чёткий, деловой ритм, резко контрастировавший с ритмом ласт Фицвильяма. Брок, в своей неизменной куртке и ботинках на платформе, катил за собой ящик, который громыхал на стыках плит, и ворчал что-то о неудобных вокзалах, построенных без учёта гномьих габаритов и о том, что в Подгорном Царстве перроны делают пониже и с пандусами, а тут — сплошное издевательство над позвоночником.

Артур, в своём бежевом плаще и с зонтом-тростью, выглядел на их фоне образцом нормальности. Он купил в привокзальном киоске утреннюю газету "Таймс" и, пока они ждали посадки, пробежал глазами заголовки. Политический скандал в Палате общин, новости с биржи, результаты скачек в Аскоте, колонка светской хроники, извещавшая о помолвке какого-то лорда с какой-то леди. Никакой информации о пропавших рыбаках в Шотландии, разумеется, не было — газеты предпочитали писать о вещах, которые волновали их читателей здесь и сейчас. Что ж, тем лучше. Меньше общественного внимания — меньше проблем.

Поезд на Инвернесс отходил ровно по расписанию, и это стало единственным, что в это утро вселяло в Артура уверенность в добром начинании. Они заняли целое купе в вагоне первого класса. Брок и Эвилин уселись слева от окна, Фицвильям расположился напротив них, а Артур сел поближе к двери, по старой полицейской привычке держать под

контролем вход. Ящик Брока, уменьшенный магией до размеров крупного чемодана, с трудом, но поместился на багажной полке, хотя поезд ощутимо качнулся, когда его загружали, а сам гном ещё долго ворчал, проверяя, надёжно ли тот закреплён.

— Ежели эта бандура свалится кому-нибудь на голову, — бурчал он, подкладывая под ящик свёрнутый плед, — то даже магия не поможет собрать кости обратно. А мне потом отчитываться перед леди Элайзой за испорченное имущество.

— За ваше имущество или за чью-то голову? — задал уточняющий вопрос Артур, не отрываясь от газеты.

— И за то, и за другое, — мрачно ответил Брок. — Она дама строгая. С неё станется выставить счёт за моральный ущерб.

Наконец, поезд тронулся. За окном медленно поплыли назад платформа, здание вокзала, городские постройки. Колёса застучали размеренно, с каждым оборотом набирая ритм, и вскоре этот звук стал привычным, убаюкивающим фоном. Артур отложил газету и посмотрел в окно.

Пейзаж менялся неспешно. Сначала потянулись серые пригороды Лондона. Бесконечные ряды одинаковых кирпичных домов с крошечными садиками, заводские трубы, дымящие в пасмурное небо, железнодорожные переезды со скользящими дежурными, которые провожали поезд равнодушными взглядами. Потом город начал отступать, словно сдавая позиции. Промежутки между домами становились всё

больше, появлялись пустыри, заросшие бурьяном, склады, огороженные ржавыми заборами, какие-то полузаброшенные стройки. И наконец, Лондон с его предместьями остался позади, уступив место зелёным полям Мидлендса.

Поля эти были аккуратно расчерчены живыми изгородями, и выглядели ровными, ухоженными до такой степени, словно их подстригали по линейке. Местами темнели небольшие, уютные рощи с изумрудной после недавних дождей травой под деревьями. Проплывали мимо каменные дома фермерских усадеб под черепичными крышами, амбары, сараи, стога сена, накрытые брезентом от осадков.

Коровы, пасшиеся на лугах, провожали поезд равнодушными взглядами, потому, как они видели такие составы по десять раз на дню и давно перестали им удивляться. Лишь изредка какая-нибудь особо любопытная тёлка поднимала голову и смотрела вслед уносящемуся составу, но быстро теряла интерес и возвращалась к своему занятию — жеванию травы с видом глубочайшей философской отстраненности.

В купе было тепло и уютно. Проводник, пожилой мужчина с усталым, но приветливым лицом, принёс чай в тяжёлых фарфоровых чашках и бисквиты на маленьком подносе. Артур, оценив вполне приличное, хотя и не дотягивающее до его личных стандартов качество заварки, сделал глоток и снова уставился в окно.

Мерно стучали колёса, создавая ритмичный фон, располагающий к дремоте. Брок, утомлённый ранним подъёмом и

погрузкой своего ящика, заснул почти сразу, едва поезд набрал ход. Он откинулся на спинку сиденья, сложил руки на животе и захрапел. Храп его был негромким, но основательным, с присвистом, напоминавшим работу парового двигателя на малых оборотах. Его многочисленные часы, тикавшие вразнобой, создавали странный, убаюкивающий аккомпанемент.

Эвлин, достав из футляра сканер, погрузилась в его настройку. Прибор, похоже, барахлил. Она хмурилась, подкручивала какие-то винтики крошечной отвёрткой, сверялась с показаниями маленького циферблата и время от времени тихо, но отчётливо произносила слова, которые в приличном обществе обычно не звучат, но которые, видимо, были единственным адекватным ответом на поведение техники. Артур, краем уха улавливая эти выражения, мысленно отмечал, что мисс Роуз, при всей её внешней сдержанности, обладает весьма богатым словарным запасом в области непечатной лексики.

Фицвильям же, напротив, не мог усидеть на месте. Он достал из саквояжа книгу "Морская магия за двадцать четыре часа", открыл её на заложенной странице и, водя пальцем по строчкам, начал читать лекцию. Читал он её, по-видимому, самому себе, но голос его звучал достаточно громко, чтобы все присутствующие волей-неволей становились слушателями.

— "Глава четвёртая, — с выражением произносил он,

— классификация морских змеев. Согласно исследованиям профессора Пузырьса, опубликованным в 1887 году в "Вестнике подводной магии", все морские змеи делятся на три основные категории: тепловодные, холодноводные и просто ворчливые. Первые обитают в тропических широтах и отличаются яркой окраской и игривым нравом. Вторые предпочитают северные моря, имеют чешую более нейтрального цвета и склонны к меланхолии. Третьи же — Фицвильям сделал драматическую паузу, — третьи встречаются повсеместно и представляют наибольшую опасность, поскольку страдают хроническим ревматизмом и оттого пребывают в перманентно дурном расположении духа."

- Вы только представьте себе змея длиной в сто футов, у которого ноют все суставы! Это же трагедия! - воскликнул молодой маг.

Эвилин, не поднимая головы от сканера, заметила:

— Профессор Пузырьс, насколько мне известно, был исключён из Академии за фальсификацию данных о миграции гиппогрифов. Я бы не стала безоговорочно доверять его классификациям.

Фицвильям на мгновение смутился, но тут же нашёлся:

— Возможно, его методы были... неортодоксальны, но в главном он, безусловно, прав! Морские змеи существуют, и с ними нужно уметь обращаться! Вот, например, параграф седьмой: "Чего не следует делать при встрече с морским змеем". Пункт первый: не щекотать его за ухом, если у него есть

уши. Пункт второй: не предлагать ему солёную рыбу — это оскорбление, равносильное намёку на то, что он не способен сам себя прокормить. Пункт третий

— Мистер Кембридж, — прервал его Артур, не отрывая взгляда от окна, — я уверен, что эта информация невероятно бесценна. Но, возможно, стоит оставить её до того момента, когда мы действительно встретим морского змея? Если, конечно, такая встреча вообще состоится.

Фицвильям вздохнул и закрыл книгу, но лишь для того, чтобы через минуту открыть другую — "Справочник по чудовищам глубин". Вскоре купе наполнилось новыми увлекательными сведениями о повадках гигантских кальмаров, особенностях размножения кракенов и способах отпугивания водяных. Последние, согласно справочнику, боялись звонкой монеты, брошенной в воду, и громкого произнесения скороговорки "Карл у Клары украл кораллы".

Пейзаж за окном тем временем становился всё более суровым. Зелёные холмы Мидлендса уступили место сначала пологим возвышенностям Йоркшира, поросшим вереском и жёсткой травой, а затем, когда поезд пересёк невидимую границу и углубился в Шотландию, — и вовсе бескрайним пустошам. Вересковые поля простирались до самого горизонта, окрашенные в тусклые, приглушённые тона бурого, лилового, ржаво-коричневого цвета. Местами, среди вереска торчали валуны, обросшие мхом, словно древние стражи этих земель. Деревья попадались всё реже и выглядели искорё-

женными и приземистыми, потому что постоянные ветры с моря не давали им вырасти высокими и прямыми.

Небо нахмурилось ещё сильнее, и начал накрапывать мелкий, настойчивый, типично шотландский дождь, который, казалось, не столько падал сверху, сколько висел в воздухе, пропитывая всё вокруг сыростью. Капли стучали по стеклу, сливались в ручейки, искажая и без того невесёлый вид. Где-то вдалеке, на склоне холма, мелькнули развалины старого замка, а точнее чёрные, замшелые камни, торчащие из земли, как гнилые зубы. Оконные проёмы зияли пустотой, и в них, казалось, всё ещё обитали тени давно ушедших времён. Артур проводил руины взглядом и сделал пометку в блокноте:

"Пейзаж соответствует ожиданиям. Суровость природы коррелируется с серьёзностью предполагаемой угрозы".

Внезапно Фицвильям, который до этого что-то увлечённо бормотал себе под нос, листая справочник, поднял голову и воскликнул:

— Инспектор! Смотрите! Овцы!

Артур перевёл взгляд. Действительно, на склоне холма, несмотря на дождь и ветер, паслось небольшое стадо мохнатых, с длинной, свалывшейся шерстью овец. Они стояли, сбившись в кучу, и смотрели на проносившийся мимо поезд с тем же выражением философского безразличия, что и коровы Мидлендса.

— Вижу, — сухо ответил Артур. — И что?

— Как что? — Фицвильям даже привстал. — Это же шотландские овцы! Они упоминаются в "Справочнике путешественника по магической Британии" как потенциальные свидетели аномалий! Говорят, они чувствуют приближение сверхъестественного за несколько часов и начинают беспокоиться! Если бы здесь действительно обитали сирены или иные тёмные силы, овцы вели бы себя иначе!

Эвлин, не удержавшись, фыркнула:

— И как именно, по мнению вашего справочника, должны вести себя встревоженные овцы? Бить тревогу копытами? Писать заявления в магический патруль?

Фицвильям на мгновение задумался, потом признал:

— Ну, в справочнике сказано, что они проявляют признаки нервозности и сбиваются в неестественно плотные группы. Но, — он снова выглянул в окно, — эти, кажется, просто мокнут. Может, аномалия ещё не добралась до этого района.

— Или, — подал голос проснувшийся Брок, — овцам просто всё равно. Они, знаете ли, существа довольно флегматичные. У меня в Подгорном Царстве сосед держал овец, так они даже на дракона, пролетавшего над пастбищем, реагировали исключительно тем, что отворачивались и продолжали жевать. Дракон, к слову, был весьма раздосадован таким пренебрежением.

Разговор об овцах постепенно угас, уступив место молчанию, нарушаемому лишь стуком колёс и шелестом дождя за окном. Фицвильям, утомлённый лекциями, задремал, уро-

нив голову на грудь. Эвелин, закончив настройку сканера, убрала его в футляр и тоже закрыла глаза. Но она явно не спала, а, судя по ровному дыханию и неподвижности, просто погрузилась в свои мысли. Брок снова захрапел, на этот раз громче и с какими-то булькающими нотками.

Артур остался наедине с пейзажем за окном. Он смотрел, как мимо проплывают бескрайние вересковые пустоши, сменяясь торфяными болотами, над которыми поднимался лёгкий туман. Местами среди болот блестели тёмные окна воды — небольшие озерца, затянутые ряской. В одном из них, как ему показалось, мелькнуло что-то крупное, но поезд пронёсся слишком быстро, и он не успел толком разглядеть. Впрочем, это могла быть просто коряга или крупная рыба. В этих краях водились угри, достигавшие, по слухам, весьма почтенных размеров.

Он снова взял блокнот и записал:

"16:22. Пересекли границу Шотландии. Пейзаж соответствует географическим описаниям. Признаков магической активности визуально не обнаружено. Овцы ведут себя индифферентно".

Внезапно тишину купе разорвал резкий, пронзительный писк. Сканер в футляре Эвелин, который до этого молчал, вдруг ожил, замигал всеми индикаторами и издал звук, похожий на крик рассерженной чайки, умноженный на скрежет несмазанных петель.

Эвелин мгновенно открыла глаза, словно и не дрема-

ла вовсе, и выхватила прибор из футляра. Брок проснулся, вздрогнув так, что его часы зазвенели, и чуть не свалился с сиденья, удержавшись только благодаря тому, что вовремя вцепился в подлокотник. Фицвильям выронил справочник, и тот с глухим стуком упал на пол, раскрывшись на странице с иллюстрацией гигантского осьминога, душащего в своих объятьях целый корабль. Артур, сохраняя невозмутимость, медленно повернул голову и посмотрел на Эвилин.

— Мисс Роуз? — только и произнёс он.

Эвилин, прищурившись, всматривалась в показания прибора на небольшом экранчике, который был, возможно, демонтирован с компактного осциллографа. Её лицо, обычно бесстрастное, сейчас выражало сосредоточенность, граничащую с тревогой.

— Всплеск энергии, — сообщила она. — Довольно мощный. Можно даже сказать - очень мощный. Источник находится примерно в двадцати милях к северо-востоку от нашего текущего местоположения. Это — она сверилась с картой, лежавшей рядом, — это как раз район Кейтнесс-Хейвена. Ведьмино устье.

Она повернула сканер так, чтобы остальные смогли увидеть экран. На нём пульсировала яркая алая точка, окружённая расходящимися кругами. Круги эти, впрочем, были не идеально круглыми, а какими-то рваными, искривленными, словно сама ткань реальности сопротивлялась их распространению.

— Характеристики сигнала необычные, — продолжила Эвелин. — Очень низкая частота, почти инфразвук. Глубинный, холодный фон. И — она на мгновение запнулась, подбирая слова, — он не похож ни на одну известную мне магическую сигнатуру. Настолько древний, словно ему многие тысячи лет. И, что характерно, он нестабилен и пульсирует, как будто что-то пытается прорваться, но ему мешают.

Фицвильям, успевший подобрать с пола справочник и положить страницу закладкой, подался вперёд, и его глаза загорелись тем самым огнём, который был предвестником грядущих неприятностей.

— Это оно! — выдохнул он. — То, о чём говорила тётушка Элайза! Древний портал! Пробуждение сил Нижнего Мира! Мы на верном пути!

— Или, — охладил его пыл Артур, — это просто естественная геологическая или магическая аномалия, не связанная с нашим делом. Вулканическая активность, подводные гейзеры, выход на поверхность древних артефактов. Не стоит делать поспешных выводов.

Но даже он, скептик до мозга костей, чувствовал, что что-то в этом сигнале было неправильное. Не просто необычное, а именно неправильное. Нечто такое, от чего волосы на затылке едва заметно зашевелились, а пальцы сами собой сжались в кулак. Он не стал делиться этим наблюдением с остальными, решив, что незачем сеять панику раньше времени. Вместо этого он раскрыл блокнот и аккуратно записал:

*"16:47. Зафиксирован магический всплеск в районе Кейт-несс-Хейвена. Источник неизвестен, характеристики аномальные: низкая частота, глубинный фон, нестабильная пульсация. Рекомендуется повышенная готовность по при-
бытии".*

Брок, окончательно проснувшись, потянулся к своему ящику, проверил, надёжно ли он закреплён, и пробормотал:

— Ежели там и впрямь портал, понадобится хорошая герметизация. И ещё стабилизаторы. У меня есть пара идей на счёт подводного колокола. Надо будет на месте осмотреться, прикинуть, какие материалы доступны.

Он снова погрузился в свои мысли, и по выражению его лица было видно, что он уже мысленно конструирует нечто громоздкое, металлическое и, вероятно, слегка опасное. Его пальцы, лежавшие на коленях, беззвучно шевелились, словно перебирая воображаемые детали.

Поезд мчался сквозь дождь и туман, унося их всё дальше на север, в край суровых скал, холодного моря и древних тайн. За окном уже нельзя было разглядеть ничего, кроме серой пелены, в которой изредка мелькали призрачные силуэты голых деревьев да одиноких фермерских домиков, жавшихся к земле, словно в поисках защиты от ветра. Стук колёс вдруг стал казаться зловещим, превратившись из ритмичного убаюкивающего стука в набат, отсчитывающего время до встречи с неизвестностью.

Артур закрыл блокнот, убрал его в карман и посмотрел

на своих спутников. Брок, убаюканный теплом и мерным покачиванием, снова задремал, хотя его пальцы всё ещё шевелились. Эвилин, отложив сканер, смотрела в окно, и на её лице застыло выражение, характер которого даже опытный взгляд Артур не смог точно определить — не то тревога, не то предвкушение. Фицвильям, достав из саквояжа сверток с вяленой воблой, задумчиво вертел её в руках, и по его лицу блуждала мечтательная улыбка — вероятно, он представлял, как будет предлагать её подводным обитателям и какие слова при этом скажет.

"Инте

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.